

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.26>**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАВМЫ В РОМАНАХ ГРЭМА СВИФТА «ВЛАДЕЛЕЦ КОНДИТЕРСКОЙ» («THE SWEET-SHOP OWNER») И «ЗЕМЛЯ ВОДЫ» («WATERLAND»)**

Научная статья

Фомина Д.Г.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-1504-145X;¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (fominad163[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена репрезентации травматического опыта на материале романов Грэма Свифта «Владелец кондитерской» (The Sweet-shop Owner, 1980) и «Земля воды» (Waterland, 1983). Выбор темы мотивируется актуальностью теории травмы в современном литературоведении. Цель статьи – определить причины и влияние травм на женские образы. Исследуемые травмы связаны с мотивами пережитого насилия и прерывания беременности, которые являются частью травмированного прошлого и катализатором событий, происходящих с героинями. Представленные романы олицетворяют личную травму двух персонажей – Мэри и Ирэн. Особое внимание уделяется способам взаимодействия действующих лиц с травматическим опытом. В ходе исследования выявлены источник травмы, травмирующее событие, симптомы травмы и посттравматическая адаптация. Автор статьи использует травму и ее последствия как один из значимых элементов в характеристике исследуемых женских персонажей.

Ключевые слова: английская литература, травма, Грэм Свифт, современная проза, теория травмы.

THE REPRESENTATION OF TRAUMA IN GRAHAM SWIFT'S NOVELS "THE SWEET-SHOP OWNER" AND "WATERLAND"

Research article

Fomina D.G.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-1504-145X;¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author (fominad163[at]gmail.com)

Abstract

The article focuses on the representation of traumatic experiences in the novels The Sweet-shop Owner (1980) and Waterland (1983) by Graham Swift. The choice of subject is motivated by the relevance of the theory of trauma in contemporary literary studies. The aim of the article is to determine the causes and effects of trauma on women's images. The traumas studied are related to the motifs of experienced violence and pregnancy termination, which are part of the traumatized past and a catalyst for the events occurring to the heroines. The novels presented represent the personal trauma of the two characters, Mary and Irene. Particular attention is paid to the ways in which the characters interact with their traumatic experiences. The study identifies the source of trauma, the traumatic event, the symptoms of trauma and post-traumatic adaptation. The author uses trauma and its aftermath as one of the significant elements in the characterization of the female characters under study.

Keywords: English literature, trauma, Graham Swift, contemporary prose, trauma theory.

Введение

Грэм Свифт известен российскому читателю, прежде всего, благодаря романам «Земля воды» («Waterland») и «Последние распоряжения» («Last orders»). Именно эти романы привлекают внимание отечественных исследователей. По мнению С. Стринюк, роман «Земля воды» считается «одним из наиболее интересных и художественно сильных произведений писателя» [8, С. 68]. С романа «Владелец кондитерской» начинается становление Грэма Свифта как писателя, однако он практически не освещен в отечественном литературоведении. Наше исследование призвано восполнить этот пробел.

Методы и принципы исследования

В процессе исследования были применены следующие методы: литературоведческого анализа, описательный, психологический и компаративный.

Обсуждение

Актуальность исследования заключается в том, что поэтика романов «Земля воды» и «Владелец кондитерской» до сих пор не изучена с точки зрения репрезентации травмы. Таким образом, цель данной статьи – проанализировать пережитые травматические события и определить их влияние на конкретные литературные образы исследуемых романов. Стоит отметить, что наше внимание будет уделено как субъекту, который травмирован, так и травмирующему событию.

М. Эпштейн утверждает, что «trauma studies считается одним из самых динамичных разделов гуманитарных наук в последнее десятилетие XX века» [13, С. 48]. Полагаем, это связано с социальными катастрофами XX века и их последствиями для окружающего мира. Действительно, несмотря на табуированность, проблема травматического

опыта довольно актуальна в современном литературоведении. Исследования, посвященные теории травмы, получили значительное развитие в 90-х гг. XX в. Интерес к изучению trauma studies как к личному травматическому опыту заметен и на сегодняшний день.

Изначально травма была коллективным явлением (коллективная память о каком-либо ужасном событии), включающим в себя исторические болезненные эпизоды (холокост, войны, массовые преследования, геноцид, репрессии и т.д.), то есть «пограничные события» разделившие жизнь людей на до и после. В связи с этим появилась так называемая «историческая травма», связанная с преодолением стигматизации целых поколений» [12, С. 308]. В статье «Непрошедшее прошлое: почему исторические травмы подрывают доверие к будущему» отмечается, что «историческими травмами отмечены народы, покоренные колониальными державами, жертвы работорговли, узники сталинских и гитлеровских лагерей, а также беженцы, пострадавшие от этнических чисток, жертвы расовой сегрегации, апартеида или строгого кастового разделения» [2]. Люди, пережившие сильнейшее коллективное потрясение, связанное с каким-либо историческим событием, мысленно возвращались в мучительное прошлое, оказываясь не в состоянии забыть, тем самым передавая травму следующим поколениям.

Значительный вклад в дальнейшее исследование травмы сделал З. Фрейд, который пытался объяснить поведение пострадавших в транспортных катастрофах. Позже он усовершенствовал свою теорию, наблюдая за солдатами, которые вернулись после Первой мировой войны, но не смогли вернуться к нормальной, полноценной жизни. Многие из них так и не смогли справиться с психологическими травмами. Пытаясь понять и объяснить причинно-следственные связи возникновения болезни, он пришел к выводу, что разум человека может быть травмирован из-за предшествующих событий. По мнению американского литературоведа и профессора К. Карут, «не только исследования, но и биография З. Фрейда также может быть раскрыта через призму его травматического опыта» [4, С. 190].

Репрезентация травмы в зарубежном литературоведении приходится на 1990-е гг. и дает новое направление в литературном процессе. Не можем не согласиться с тем, что: «проживание человеком травмы играет одну из значимых ролей в литературе, так как великие произведения, дающие литературе новый поворот, вырастают именно из глубокого драматического личного опыта» [4]. Литературное пространство стало тем полем, «где может происходить передача опыта, даже не прямое называние, не прямое объяснение случившегося или, по крайней мере, передача вторичного свидетельства для тех, кто лично ничего подобного не переживал – и надеется, что не переживет» [4]. Если раньше было принято замалчивать травмирующие события, то сейчас литература травмы («литература свидетельств пережитого») делает акцент на личном травматическом опыте, о котором герои могут откровенно рассказать: «мы должны принять решение признать, засвидетельствовать и тем самым вместе прочувствовать то, что на самом деле произошло, даже самые ужасные детали, на которые мы предпочли бы закрыть глаза. Потому что отводить взгляд – отвергать, отрицать, преуменьшать или умышленно забывать – значит поддерживать институты неравенства, бесчеловечности, которые их создали» [5], – заявляет Т. Хьюль. Постепенно современные писатели стали поднимать достаточно табуированные темы (сексуальное и/или физическое насилие, аборт), освещая их в своих произведениях, многие из которых являлись автобиографичными. В данный период именно «слово стало оружием и инструментом борьбы со страхом» [10]. Таким образом, травма стала главной особенностью современной литературы данного периода и до сих пор не теряет своей актуальности.

Рассмотрим репрезентацию травмы двух героинь романов Г. Свифта «Владелец кондитерской» и «Земля воды».

Один из известнейших романов Г. Свифта «Земля воды» исследовался в диссертациях С. Стринюк, Е. Сатюковой, Е. Петросовой, Е. Колодинской и в научных статьях Н. Варешина, Е. Греф, Л. Хабибуллиной, Ю. Шаниной и некоторых других ученых. Они уделили внимание таким понятиям, как феномен «английскости», проблеме истории, личности рассказчика, мифопоэтики романа, библейскому коду, однако категория травмы в данных работах не рассматривалась. Изучая в статье «Женские архетипы в романе Г. Свифта «Земля воды» [11] архетип Мэри, мы, в большей степени, анализировали юность героини и ее поступки, которые дали нам возможность охарактеризовать ее в качестве архетипа блудницы. В данной статье обратимся к ее личной травме.

Для понимания причинно-следственной связи травматических событий, считаем нужным обратиться к сюжету романа. В начале романа «Земля воды» главный герой Том Крик узнает о жуткой гибели своего друга Фредди Парра. Позже выясняется, что главной причиной этого убийства является влюбленность Дика Крика (брата Тома Крика) в Мэри Меткаф (возлюбленную Тома Крика). Приревновав Мэри к Фредди, он ударяет его бутылкой по голове и скидывает тело в реку. Этому событию предшествует другой момент: пытаясь отвести подозрения от любовной связи с Томом, Мэри говорит Дикю, что у нее будет ребенок от Фредди, тем самым подписывая ему смертный приговор. Ситуация осложняется беременностью Мэри от Тома. Несмотря на то, что они вместе, испытав шок от ужасного последствия своей лжи, понимая, что в большей степени вина лежит на ней и боясь наказания отца Мэри принимает решение избавиться от ребенка. В итоге, в подростковом возрасте она подвергается криминальному прерыванию беременности, и это накладывает отпечаток на ее дальнейшую жизнь. Таким образом, «любовь и отношения Мэри и Тома оказываются омрачены массой ужасающих последствий: криминальным абортом, смертью их общего друга Фредди, самоубийством Дика» [9, С. 187]. Это событие помогает понять прошлое и то, как оно повлияло на будущее. После содеянного Мэри подвергается серьезной психологической травме. Она рвет отношения с Томом и «запирается, подобно отшельнице, на три с лишним года в унылом отцовском доме... наказав себя за любопытство, которое в тот год – и не у нее одной – вдруг куда-то подевалось» [6, С. 173-174]. Именно этот момент знаменует начало потери рассудка.

Спустя пару лет после случившего, Том возвращается с войны, Мэри внезапно выходит из своего забытия, и они решают пожениться. Однако произошло событие, которое невозможно забыть, и выясняется, что Мэри не может иметь детей. После известных событий Мэри, «выпавшая» из времени, утратившая смысл жизни, стала вести существование, в равной степени лишенное как стремления понять прошлое, так и надежды на будущее» [8, С. 73].

Несмотря на все события, Том и Мэри пытаются начать жизнь заново. Этот отрезок времени Мэри пребывает в так называемом «латентном периоде», «во время которого жертва травмы может выглядеть нормально и жить обычной жизнью. Для латентного периода не существует временных рамок, он может длиться несколько дней или лет, но влияние травматического опыта в определенный момент обнаружит себя либо в кошмарах, либо через необъяснимое нормальное поведение», – отмечает З. Фрейд [1, С. 123].

Стоит отметить, что аборт считается достаточно шокирующим событием для женщины, «такие «внутренние катастрофы» оставляют раны и шрамы в памяти, которые нелегко стереть и которые непредсказуемо отражаются на поведении индивида в будущем», – утверждает Р. Айерман [1, С. 122]. Спустя время, Том замечает за Мэри странное поведение и вскоре обнаруживает, что она фанатически стала обращаться к Богу. Слова 52-летней Мэри о том, что у них скоро будет ребенок, повергают Тома в шок, и он понимает, что это – первый симптом шизофрении. Кульминацией нестабильного состояния Мэри считается похищение чужого ребенка.

Обратимся подробнее к этой сцене. Том, возвращаясь с работы, обнаруживает, что Мэри похитила чужого ребенком. Тем самым, становится ясно, что она достигла той цели, к которой шла много лет. На вопрос, где она его взяла, Мэри отвечает, что ребенка ей послал Бог. Получив наконец долгожданного младенца и ошибочно полагая, что он ее, Мэри окончательно теряет не только себя, но и рассудок. Данный эпизод можно трактовать по-разному: испытав травму после аборта и из-за невозможности иметь детей, Мэри с годами постепенно сходила с ума. Из-за окончательного помутнения рассудка, она идет на отчаянный шаг – похищение ребенка. Немаловажным фактом является то, что именно в период обострения, она возвращается к религиозности, и, в конечном счете, ей кажется, что именно Бог ей велит получить ребенка. Полагаем, автор не случайно обыгрывает момент с верой в Бога. Мэри, выросшая в религиозной среде, после травмирующего события забывает о Боге, но во время развития шизофрении снова к нему возвращается: «былая страсть к Богу дремала в ней скрыто, тихо, неприметно и зрела подобием посеянного когда-то, но впавшего в спячку семени» [6, С. 61]. Так как «<...> тяжесть утраты и переживания часто приводят к тому, что, изверившись в Боге, как существе справедливом, человек эмоционально далее верить в Бога не способен» [9, С. 43], Том из-за череды трагических событий отказывается от него: «но Бог давно уже никому ничего не говорит. Ты что, не слышала об этом, Мэри? Он давно уже перестал разговаривать. Он даже и не смотрит больше, оттуда, с небес. Мы выросли, и он нам теперь без надобности, Отец наш Небесный. <...> Бог, он для простых, для отсталых людей во всяких Богом забытых местах» [6, С. 386-387]. Этого же мнения придерживается М. Дудкина: «история жизни Тома Крика и, глубже, история его семьи предстает как последовательное отпадение от Бога: убийство Фредди Парра, аборт Мэри, идиотизм Дика как следствие инцеста, его самоубийство» [3, С. 35]. Если посмотреть глубже, то можно утверждать, что за совершенный грех Мэри расплатилась разумом. Эта травма становится для неё выходом на иной уровень восприятия и понимания жизни, недоступный для Тома и определивший разрыв не только с ним, но и с реальностью.

Безусловно, история Мэри трагична: пережив в юности криминальный аборт, едва не стоивший ей жизни, так и не сумев снова забеременеть, она не может справиться с этой травмой и лишается рассудка. Даже находясь в психиатрической больнице, она скорбит не о муже, а о ребенке, которого она лишилась дважды: потеря ребенка в юности, вследствие прерывания беременности, и потеря чужого ребенка, в зрелом возрасте, которого у нее отняли.

Подытоживая вышесказанное, можно выделить следующие этапы жизни Мэри Меткаф, способствующие развитию травмы:

1) Мэри Меткаф с самого рождения росла в строгости. После смерти матери ее воспитанием занимался отец. Опасаясь того, что Мэри может стать типичной фермерской дочкой и желая вырастить из нее «элегантную и хорошо воспитанную леди» [6, С. 68], Харольд Меткаф отправляет ее учиться в монастырскую школу Св. Гуннхильды, «твердо веря, что его затраты и усилия окупятся сторицей» [6, С. 69]. Однако ежедневные поездки в школу способствуют не просвещению, а знакомству и сближению с Томом Криком. С одной стороны, детство Мэри было тесно связано с религиозностью и строгостью, с другой – с ее крайней распушенностью.

2) Отношения Мэри и Тома приводят к нежелательной беременности. Из-за череды фатальных событий, в которых они оказываются замешаны, Мэри принимает решение избавиться от ребенка. Не задумываясь о последствиях, Мэри подвергается криминальному прерыванию беременности, чуть не лишившись жизни. Как следствие, она заражается сепсисом и в дальнейшем не может иметь детей.

3) Аборт становится тем травматическим событием, которому подвергается героиня. С этого момента у Мэри начинается помутнение рассудка. Она три года ведет затворнический образ жизни в качестве искупления за все, что произошло ранее.

4) Спустя время, они с Томом женятся и начинают новую жизнь. Вскоре психическое состояние ухудшается, и Мэри в состоянии религиозного бреда (патологические убеждения человека о том, что он может слышать голос Бога; чаще всего встречается у пациентов с шизофренией) крадет чужого ребенка, выдавая его за своего.

5) После случившегося инцидента Мэри отправляется на постоянное лечение в психиатрическую клинику, так и не придя в себя.

Дебютный и во многом основополагающий роман Г. Свифта «Владелец кондитерской» не исследован в отечественном литературоведении. Возможно, это связано с «недостаточной активностью российских переводчиков и издателей, являющейся серьезным препятствием на пути осмысления романного творчества» [9, С. 6]. Однако в зарубежном литературоведении «смелые сюжетные ходы романа и индивидуальный стиль писателя обратили на себя внимание многих критиков и читателей» [7].

Весь роман развивается в двух направлениях: детальное изображение последнего дня главного героя – Уильяма Чепмэна и его воспоминания о событиях прошлого, предшествующих этому дню. Он управляющий небольшой кондитерской в пригороде Лондона. Центральное место в романе занимают его жена и единственная дочь, с которой у него натянутые отношения. В день своей смерти он вспоминает всю жизнь, начиная со школьных лет и заканчивая

настоящим (пятница 1974 г.), мысленно возвращаясь к знакомству с женой, войне, рождению дочери, покупке и обустройству своего магазина и другим событиям. Наш интерес вызывает его травмированная жена – Ирэн Харрисон.

Ирэн второстепенный, но довольно значимый персонаж романа. До встречи со своим мужем она росла в роскоши и достатке, пока ее жизнь не омрачилась травмирующим событием – безнаказанным изнасилованием в подростковом возрасте.

Ирэн была единственной дочерью, однако чувствовала себя лишней и считала, что у нее не было жизни. Героиня обладала красотой, которая, по ее мнению, была недостатком и всегда чувствовала себя из-за этого неуверенно. Члены семьи видели в этой красоте шанс устроиться в жизни и «относились к ней как к товару одного из своих магазинов, предмету, который должен оставаться незапятнанным и совершенным во всех отношениях» [14].

Когда она подверглась сексуальному насилию от друга семьи и призналась в этом, данное заявление не было воспринято всерьез. С. Крэпс отмечает, что «признание, которое немедленно отвергается как чушь семьей Ирэн, вызвано тем, что они стремятся укрепить свои связи с многообещающим агентом по недвижимости, которые могли бы способствовать продвижению их деловых интересов» [16, С. 202]. Вместо того чтобы разобраться в ситуации, они решают отправить ее в психиатрическую клинику на лечение.

После шокирующего происшествия в жизни Ирэн появляется Уильям: «when you appeared, Willy, you were the perfect solution. What justice, what neatness. Let her have that little man. He's as simple as she's cracked and she'll wish soon enough she'd settled for Hancock. And if he thinks he's walking into money, he'll regret it when he learns how cracked she is. They even bought me the house and gave me a settlement, half in cash, half in shares. For their own guilt in disposing of me had to be paid for, and the greater the payment the more stainless their conscience. What justice. The perfect solution» [17, С. 55]. (здесь и далее – перевод англоязычных цитат автора статьи. – Д. Ф.). «Когда ты появился, Вилли, ты был идеальным решением. Какая справедливость, какая аккуратность. Пусть у нее будет этот маленький человечек. Он так же прост, как и она, и довольно скоро она пожалеет о Хэнкоке. И если он думает, что идет к деньгам, он пожалеет об этом, когда узнает, насколько она чокнутая. Они даже купили мне дом и выплатили компенсацию, половину наличными, половину акциями. За их собственную вину в избавлении от меня нужно было заплатить, и чем больше плата, тем более чиста их совесть. Какая справедливость. Идеальное решение». Чтобы избежать проблем и свести счеты с семьей, она выходит за него замуж. Вскоре после замужества, Ирэн заболевает астмой и на протяжении всей жизни страдает тяжелыми приступами, во время которых, она, возвращаясь в прошлое, заново проживает нападение: «the attacks were worse at night. <...> For sometimes she clutched with those flailing hands, sometimes fended. And it was never, it seemed, against the illness she struggled but against something else» [17, С. 128]. «Ночью приступы были еще хуже. <...> Иногда она хваталась этими размахивающими руками, иногда отбивалась. И, казалось, она боролась не с болезнью, а с чем-то другим».

Перед травмирующим событиям у героини уже были проблемы с самооценкой и восприятием мира, травма усиливает ее внутренние ощущения и, как следствие, приводит к серьезной болезни. Она не любила своего мужа и дочь, всегда была с ними холодна и безразлична, не проявляла чувств и эмоций. О том, что с ней произошло, мы узнаем из ее монолога, который обращен к читателю, а не к мужу, поскольку она предпочла не рассказывать Уильяму о том, что случилось: «этот ключевой инцидент, который Ирэн изо всех сил старалась подавить, оставил неизгладимый след во всех аспектах их супружеской жизни» [16, С. 199], – утверждает С. Крэпс. После произошедшего Ирэн чувствует себя виноватой перед семьей и думает, что подвела их (тем, что не оправдала их ожидания). Реакция матери, отсутствие поддержки семьи, нахождение в психиатрической клинике также оказывают воздействие на состояние героини. Данное событие оказывается шокирующим и для родных Ирэн, поскольку идеальная картина рушится вместе с надеждами на прекрасное будущее дочери. Все это выливается в приступы астмы, которые мешают ей жить и с каждым годом становятся все сильнее.

Таким образом, ключевыми событиями, которое способствовали травме героини, являются следующие:

- 1) Будучи единственной дочерью, Ирэн Харрисон была окружена вниманием. Вероятно из-за этого, у нее развиваются комплексы и чувство неполноценности.
- 2) В подростковом возрасте Ирэн подвергается сексуальному насилию, от близкого друга семьи. Полагая, что Ирэн это выдумала, отец решает отправить ее в психиатрическую клинику. После этого отношения с семьей портятся.
- 3) Вследствие травмирующего события, невозможности справиться с этим, конфликта с семьей, нахождения в клинике, у Ирэн начинаются сильные приступы астмы.
- 4) Позже она встречает Уильяма Чепмэна и без особой любви выходит за него замуж. Будучи с ним холодной и безразличной, обрекает на страдания не только его, но и свою единственную дочь Дороти, к которой также не испытывает никакого интереса.
- 5) С каждым годом болезнь прогрессирует и в дальнейшем приводит к смерти.

Заключение

На основе выше проведенного анализа можно сказать о том, что травма занимает достаточно значимое место в поэтике Г. Свифта и продолжает свое развитие в последующих романах писателя. Феномен травмы интерпретируется как в личностном, так и в историческом дискурсе. Изучив различные выражения травмы в художественной литературе, нам удалось выявить основные травмы двух героинь романов Г. Свифта и способы их реализации. Травма для них – сильное и шокирующее потрясение, которое разрушает их жизнь. Травмированное событие является катализатором дальнейших процессов происходящих с персонажами. В романе «Земля воды» травмирующим маркером является прерывание беременности, после чего героиня постепенно лишается рассудка и сходит с ума. Во втором романе «Владелец кондитерской» травма становится причиной болезни и заканчивается смертью. Тема травмы тесно связана с прошлым, тем самым происходит постоянный диалог между прошлым и настоящим, который выражается в виде воспоминаний. Неслучайно, травмированные ситуации происходят после войны (влияние «травмированная

реальности» на жизнь людей). Как видим, личная травма тесно связана с коллективной. Пережитый опыт сильно травмирует женских персонажей, вызывая проблемы с психикой у Мэри и проблемы со здоровьем у Ирэн.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Айерман Р. Социальная теория и травма / Р. Айерман // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12. — № 1. — С. 121-138.
2. Ассман А. Непрошедшее прошлое: почему исторические травмы подрывают доверие к будущему / А. Ассман. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/16023-neproshedshee-proshloe-pochemu-istoricheskie-travmy-podryvayut-doverie-k-budushchemu?ysclid=I9hcunqrh566195319> (дата обращения: 06.01.2023).
3. Дудкина М.В. Ретроспекция в романе Грэма Свифта «Водоземье» / М. В. Дудкина // Вестник магистратуры. — 2014. — № 10(37). — С. 34-36.
4. Карут К. Литература и травма / К. Карут. — URL: <https://urokiistorii.ru/articles/kjeti-karut-literatura-i-travma> (дата обращения: 19.01.2023).
5. Коллективная травма. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.519deb7b-63c9a01d-62b3d661-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Collective_trauma (дата обращения: 12.12.2022).
6. Свифт Г. Земля воды / Г. Свифт; пер. с англ. В. Михайлина. — Москва: Издательство «Э», 2017. — 512 с.
7. Свифт Г. Материнское воскресенье / Г. Свифт. — URL: <https://knigkindom.ru/blog/156903-grjem-svift-materinskoe-voskresene.html>. (дата обращения: 27.12.2022).
8. Стринюк С.А. Субъективная проза Грэма Свифта: проблема характера и концепция личности в романе «Водоземье» / С. А. Стринюк // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — № 4(24). — С. 185-191.
9. Стринюк С.А. Человек и история в романах Грэма Свифта («Водоземье», «Отныне и навсегда», «Последние распоряжения»): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / С. А. Стринюк. — Пермь, 2003. — 165 с.
10. Тарасюк Е.В. Литература травмы. Как французские писатели учат читателей проживать травматические события / Е.В. Тарасюк. — URL: <https://knife.media/french-trauma-books/?ysclid=I9g2h3kc3l705447802> (дата обращения: 12.12.2022).
11. Фомина Д.Г. Женские архетипы в романе Грэма Свифта «Земля воды» ("Waterland") / Д. Г. Фомина // Вестник Марийского государственного университета. — 2022. — Т. 16. — № 3. — С. 378-385.
12. Хабибуллина Л.Ф. Психологическая травма в романах Й. Макьюэна («Суббота», «Чизил-Бич») / Л. Ф. Хабибуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 65. — С. 308-318.
13. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе / М. Н. Эпштейн. — М.: Высшая школа, 2005. — 495 с.
14. Barry J. Mental Institutions and the Mentally ill in «The Sweet Shop Owner» / J. Barry. — URL: <https://victorianweb.org/neovictorian/gswift/sso/ssoinsanity.html> (accessed 08.01.2023).
15. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma and the Possibility of History / C. Caruth // Yale French Studies — №. 79 — URL: https://www.researchgate.net/publication/265273262_Unclaimed_Experience_Trauma_and_the_Possibility_of_History (accessed 23.11.2022).
16. Craps S. As if History Could Be Circumvented: Undying Memories in Graham Swift's «The Sweet-shop Owner» / S. Craps. — URL: https://www.academia.edu/2985533/_As_If_History_Could_Be_Circumvented_Undying_Memories_in_Graham_Swifts_The_Sweet_Shop_Owner (accessed: 09.01.2023).
17. Swift G. The Sweet-shop Owner / G. Swift // USA. — Vintage Books. — 2012. — 222 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ajerman R. Social'naya teoriya i travma [Social Theory and Trauma] / R. Ajerman // Sociologicheskoe obozrenie [The Sociological Review]. — 2013. — Vol. 12. — № 1. — P. 121-138 [in Russian].
2. Assman A. Neproshedshee proshloe: pochemu istoricheskie travmy podryvayut doverie k budushchemu [The Unrecognized Past: Why Historical Traumas Undermine Confidence in the Future] / A. Assman. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/16023-neproshedshee-proshloe-pochemu-istoricheskie-travmy-podryvayut-doverie-k-budushchemu?ysclid=I9hcunqrh566195319> (accessed: 06.01.2023) [in Russian].
3. Dudkina M.V. Retrospekciya v romane Grema Svifta «Vodozem'e» [A Retrospective in the Novel "Waterland" by Graham Swift] / M. V. Dudkina // Vestnik magistratury [Bulletin of the Magistracy]. — 2014. — № 10(37). — P. 34-36 [in Russian].
4. Karut K. Literatura i travma [Literature and Trauma] / K. Karut. — URL: <https://urokiistorii.ru/articles/kjeti-karut-literatura-i-travma> (accessed: 19.01.2023) [in Russian].

5. Kollektivnaya travma [Collective Trauma]. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.519deb7b-63c9a01d-62b3d661-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Collective_trauma (accessed: 12.12.2022) [in Russian].
6. Swift G. Zemlya vody [Waterland] / G. Swift; translated by V. Mihajlina. — M.: «E» Publishing, 2017. — 512 p. [in Russian]
7. Swift G. Materinskoe voskresen'e [Mothering Sunday] / G. Swift. — URL: <https://knigkindom.ru/blog/156903-grjem-svift-materinskoe-voskresene.html> (accessed: 27.12.2022) [in Russian].
8. Strinyuk S.A. Sub"ektivnaya proza Grema Svifta: problema haraktera i koncepciya lichnosti v romane «Vodozem'e» [Graham Swift's Political Prose: the Problem of Character and the Concept of Personality in the Novel "Waterland"] / S. A. Strinyuk // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. — 2013. — № 4(24). — P. 185-191 [in Russian].
9. Strinyuk S.A. CHelovek i istoriya v romanah Grema Svifta («Vodozem'e», «Otnyne i navsegda», «Poslednie rasporyazheniya») [Man and History in the Novels of Graham Swift ("Waterland", "Everafter", "Last Orders")]: dis. ... of PhD in Philology: 10.01.03 / S. A. Strinyuk. — Perm, 2003. — 165 p. [in Russian]
10. Tarasyuk E.V. Literatura travmy. Kak francuzskie pisateli uchat chitatelej prozivat' travmaticheskie sobytiya [Literature of Trauma. How French Writers Teach Readers to Live through Traumatic Events] / E.V. Tarasyuk. — URL: <https://knife.media/french-trauma-books/?ysclid=19g2h3kc3l705447802> (accessed: 12.12.2022) [in Russian].
11. Fomina D.G. ZHenskie arhetipy v romane Grema Svifta «Zemlya vody» («Waterland») [Female Archetypes in Graham Swift's novel "Waterland"] / D. G. Fomina // Vestnik Mariïnskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Mari State University]. — 2022. — Vol. 16. — № 3. — P. 378-385 [in Russian].
12. Habibullina L.F. Psihologicheskaya travma v romanah J. Mak'yvena («Subbota», «CHizil-Bich») [Psychological Trauma in the Novels of J. McEwan ("Saturday", "Chisel Beach")] / L. F. Habibullina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. — 2020. — № 65. — P. 308-318 [in Russian].
13. Epshtejn M.N. Postmodern v russkoj literature [Postmodern in Russian Literature] / M. N. Epshtejn. — M.: High School, 2005. — 495 p. [in Russian]
14. Barry J. Mental Institutions and the Mentally ill in «The Sweet Shop Owner» / J. Barry. — URL: <https://victorianweb.org/neovictorian/gswift/sso/ssoinsanity.html> (accessed 08.01.2023).
15. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma and the Possibility of History / C. Caruth // Yale French Studies — №. 79 — P. 181-192. — URL: https://www.researchgate.net/publication/265273262_Unclaimed_Experience_Trauma_and_the_Possibility_of_History (accessed 23.11.2022).
16. Craps S. As if History Could Be Circumvented: Undying Memories in Graham Swift's «The Sweet-shop Owner» / S. Craps. — URL: https://www.academia.edu/2985533/As_If_History_Could_Be_Circumvented_Undying_Memories_in_Graham_Swifts_The_Sweet_Shop_Owner (accessed: 09.01.2023).
17. Swift G. The Sweet-shop Owner / G. Swift // USA. — Vintage Books. — 2012. — 222 p.